

РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Легенда о тендере

Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье*

СЮ. БАРСУКОВА, В.В. РАДАЕВ

Статья посвящена анализу распределения труда между супругами в российской городской семье. Эта тема служит объектом множества спекуляций. Между тем попытки посмотреть на проблему с количественной точки зрения развеивают многие мифы и формируют представление об истинных размерах неравномерности трудовых нагрузок супругов. В статье приведен обзор экономических и социологических теорий, объясняющих механизм неравного трудового участия супругов в ведении домашнего хозяйства. На российских эмпирических данных проверяются гипотезы, касающиеся как принципов распределения труда в семье, так и степени неравенства участия супругов в рыночном и домашнем труде. Выявляются ключевые факторы, определяющие различия в распределении трудовой нагрузки, включая социально-демографический тип семей, их материальное положение, а также возраст, образование и профессиональный статус супругов. В работе обсуждаются механизмы, усиливающие и, наоборот, смягчающие гендерную дискриминацию в семейной сфере.

Введение

Труд занимает весомую часть нашей жизни, а с учетом домашнего труда его значимость еще более возрастает. Не менее очевидно и то, что в области труда существует заметное неравенство между мужчиной и женщиной. Несмотря на то, что женщины сегодня весьма активно заняты на рынке труда, на их плечах лежит значительная часть домашнего хозяйства. Даже если женщина имеет высоко оплачиваемую работу, по традиции домашние занятия по-прежнему оставляют ей.

В нашем знании об этом предмете так много «очевидного», что это начинает внушать подозрения. Тем более, что вокруг подобной «очевидности» роится

* Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсам: гендерная социология, экономическая социология.

немало феминистских спекуляций о «забитости» российских женщин. О том, как они трудятся наравне с мужчинами я при этом, вдобавок, несут на себе все бремя домашних забот. Есть спекуляции и противоположного толка: что в крупных городах гендерная дискриминация исчезает, и мужчины, волей-неволей, все больше втягиваются в сферу домашних обязанностей.

Зачастую такие представления формируются на основе обыденных наблюдений или из нескольких интервью, которые часто берутся женщинами у женщин и изначально настроены на сочувственную волну. Интервью воспроизводят привычные стереотипы о пережитках патриархального строя и тяжелой судьбе российской женщины, закрепляя их в научном дискурсе. Между тем, количественная сторона вопроса о распределении труда супругов остается за кадром. Зачем считать, когда «и так все ясно»?

Но не подводят ли нас привычные обыденные представления? Как реально распределяется труд в современной городской семье, и чем обусловлено это распределение? Действительно ли столь сильна дискриминация женщины, и существуют ли какие-то компенсаторные механизмы? Происходят ли какие-либо сдвиги в распределении труда, насколько они серьезны, в каких формах и при каких обстоятельствах они осуществляются?

Приступая к данному исследованию, мы постарались дистанцироваться от убийственных в своей простоте феминистских или сексистских аргументов. Мы не ставили громких задач — подтвердить или опровергнуть наличие тендерной дискриминации в трудовой сфере. Хотелось проверить несколько «простых» гипотез. А если учесть, что в России на эти темы пишут пока преимущественно женщины, то позиция авторов данной статьи и с этой точки зрения выглядит более сбалансированно.

Целью нашего исследования служит выявление ключевых принципов распределения совокупной трудовой нагрузки между супругами и основных элементов дискриминации в семейных трудовых отношениях.

Предлагаемая статья строится следующим образом. Мы начнем с краткого обзора работ, посвященных разделению труда между супругами. Далее систематизируем теоретические подходы к данной проблеме, экономические и социологические. А затем обратимся к анализу количественных эмпирических данных. Мы рассмотрим принципы распределения трудовой нагрузки между супругами в современной городской семье, выявим ключевые факторы, определяющие различия в распределении этой нагрузки. Среди таких факторов рассмотрим социально-демографический тип семей, их материальное положение, а также возраст, образование и профессиональный статус супругов. Это позволит судить о том, насколько сильны элементы трудовой дискриминации женщин в семейных отношениях.

Раздел 1. Теоретические подходы

Начнем с краткого обзора работ, посвященных экономике домохозяйств и трудовому участию супругов. Какие вопросы поднимали исследователи? К каким выводам пришли? Как развивалась традиция изучения домашних хозяйств и разделения труда между супругами?

Исследования домашней экономики: ретроспективный обзор

Исследования домашней экономики довольно долго имели статус маргинальной темы как для экономистов, так и для социологов. Что касается экономической теории, то проблема состояла в слишком явном контрасте между аксиоматикой экономического анализа и живой тканью домашнего хозяйства. «Человек экономический», будучи помещен в интерьер домохозяйства, приобретал черты рафинированной абстракции, легко выходящие на грань абсурда. Социологи же игнорировали домохозяйственную тему в связи с ее «приземленностью» и локальностью. Впрочем, в 1920-е годы в России велись достаточно подробные обследования бюджетов времени. В качестве основного группообразующего критерия выступало деление на мужчин и женщин*. Это направление развивали Струмилин, Кабо и др. Но эмпирические исследования не переросли в теоретические схемы в связи с событиями конца 1930-х годов.

Классическая социология долгое время позиционировала себя как наука об общих закономерностях развития общества, не опускаясь до выяснения логики частных сфер. К тому же, представления о рудиментном характере домашней экономики блокировали познавательный интерес любителей и рыночной, и плановой рационализации. Но к 1950—1960-м гг. интерес к данной теме усилился. С одной стороны, укрепились сомнения в том, что ключевые проблемы хозяйственного развития укладываются в дихотомию плана и рынка. С другой стороны, набрали силу феминистические движения, привлекающие внимание к проблемам домохозяйства.

Не случайно социологические исследования домашней экономики в этот период в значительной части были посвящены так называемому «женскому вопросу». Эти исследования рассматривали вопрос *отношений* между мужем и женой, диспозиции их властных полномочий и *ролевых установок*, то есть пытались раскрыть социальную логику домохозяйств. Краткий ретроспективный анализ исследований, посвященных домашней экономике, позволяет выделить следующие этапы.

Послевоенный период на Западе ознаменовался резким вовлечением женщин в общественное производство (в России эта тенденция проявилась еще до войны). Первоначальная оценка влияния этого феномена на трансформацию роли женщин в домашней экономике была наполнена технократическим оптимизмом: во второй половине 1950-х гг. этот оптимизм граничил с эйфорией. Так, советская практика интенсивного вовлечения женщин в профессиональную деятельность породила идеологию «семьи без быта», дающую возможность «женщине—работнице» полностью сконцентрироваться на общественно-полезном труде (домашний труд таковым не считался). Западный мир произвел свою утопическую версию наблюдаемых в домашнем хозяйстве изменений. Была провозглашена «великая трансформация» домашнего хозяйства [Young and Wiltaiott], характеризующаяся сломом традиционной сегрегации домашних работ. Термин «симметричная семья», порожденный неоправданно оптимистичной интерпре-

* Как указывал В.И. Ленин, «положение женщины особенно наглядно поясняет разницу между буржуазной и социалистической демократией», что лежало в основе лозунга «Свобода и равенство для угнетенного пола!» [Ленин, с. 319, 321].

тацией послевоенного вовлечения женщин в общественное производство, акцентировал внимание на уравнивании позиций мужчин и женщин на рынке труда, что, как прогнозировалось, неминуемо приведет к уравниванию ответственности за ведение дел в домохозяйствах. «Флагманами» этого процесса были объявлены семьи среднего класса.

Однако очень скоро появились серьезные сомнения в обоснованности этой позиции. Критика велась по двум основаниям. Во-первых, одинаковая степень вовлечения мужчин и женщин в общественное производство не тождественна равным *условиям* их труда. Исследования, посвященные дискриминации женщин на рынке труда, были многочисленны и, если игнорировать их эмоциональную окрашенность, эмпирически доказательны. Во-вторых, даже если предположить, что мужчины и женщины на рынке труда стали обладать равными правами, из этого вовсе не следует равенства их позиций во *внутрисемейной сфере*. Работы, доказывающие неравномерность распределения домашних обязанностей даже в условиях примерно равных статусов и доходов супругов в общественном производстве, стали неотъемлемым тематическим разделом социологии семьи.

Позволим себе высказать предположение, объясняющее массовость декларативных и недостаточно аргументированных точек зрения в работах 1950—1960-х годов. На наш взгляд, данный период характеризовался крайне слабым вниманием социальных наук к проблеме домашнего труда в целом. В силу периферийности темы работы «по женскому вопросу» длительное время находились вне поля организованного скептицизма профессионального сообщества. Впрочем, в российской науке работы 1960-х годов, посвященные домохозяйствам, не были исключительно в русле исследований по «женскому вопросу». И, кстати говоря, отличались серьезным и вдумчивым отношением к проблемам домашней экономики. Стоит отметить вклад Л.А. Гордона в изучении домашнего труда и труда в подсобном хозяйстве.

Общемировой тенденцией стал растущий интерес к гендерным исследованиям и к проблемам неформальной экономики, что обусловило повышение статуса тематики домохозяйств, попытки их «эвакуации» из периферийных областей экономических и социальных наук. Это не могло не сказаться и на профессиональном уровне проводимых исследований.

Начиная с 1970-х годов от эйфории по поводу «симметричной семьи» не остается и следа. Многочисленные эмпирические исследования доказывают, что домашний труд остается преимущественно женским независимо от того, вовлечена ли женщина в рынок труда или нет. Эта ситуация зафиксирована в терминах «нормализации двойного дня» [Berk, p. 108] или «двойной занятости женщин». Тональность исследований домашней экономики изменялась по мере осознания рецидивов широкомасштабного вовлечения женщин в общественное производство.

Со временем рост женской занятости начинает сопровождаться «возвращением» женщины в семью. Западные сообщества отчетливее демонстрируют эту тенденцию. Не случайно, именно западная наука инициирует осмысление статуса женщины в терминах «домохозяйки» (housewife). Занятость женщины, ограниченная пределами семьи, определяется как *профессиональная роль*, специфика которой состоит в ее исключенности из «официальной» профессиональ-

ной структуры, в размытости критериев и процедур экспертизы для оценки ролевой компетентности, а также в отсутствии финансовых и статусных вознаграждений за ее выполнение [Lorata]. Но если домохозяйка выполняет некоторую профессиональную роль (пусть и очень специфическую), то труд в рамках домохозяйства может и должен рассматриваться как ее *работа*, то есть иметь статус *полноценного труда*, приравненного к рыночному труду. Данный подход, изложенный в книге «Социология домохозяйства» [Oakley], акцентировал внимание на монотонности, рутинности и низкостатусности домашнего труда женщины. Эта работа оказалась в фарватере целой серии исследований, характеризующихся содержательным сходством и явно выраженной идеологической направленностью. Закладывался научный фундамент феминистской идеологии.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов формируется тематическое направление, посвященное анализу влияния научно-технического прогресса на содержание и масштабность домашнего труда. Эта тема конкретизируется в двух аспектах: влияние массового внедрения домашней техники и расширение области применения гибких форм занятости. Многочисленные эмпирические исследования показали необоснованность суждения о кардинальном изменении труда женщин в домашней сфере под влиянием научно-технического прогресса. Более того, был сделан вывод о сокращении творческой компоненты домашнего труда в результате нового витка его «механизации», ведущей к рутинизации и снижению статуса домашней хозяйки [Luxton]. Не менее пессимистичные выводы были получены и при анализе воздействия гибких форм занятости на трудовую нагрузку женщины. На богатом эмпирическом материале удалось показать, что суммарная трудовая нагрузка женщин (домашняя и рыночная) максимальна именно в случае частичной занятости. Женщины, работающие полный рабочий день, «экономят» силы на домашнем труде, «профессиональные домохозяйки» — на труде вне дома. Что же касается частичной занятости, то она не дает женщине в глазах супруга ни материальных, ни моральных оснований претендовать на перераспределение семейных обязанностей [Jowell and Witherpoon]. Этот факт произвел оглушительный эффект в силу резкого диссонанса с устоявшейся трактовкой гибкого графика и частичной занятости как атрибутов экономической демократии.

Мы уже упоминали «запаздывание» процесса «возвращения» женщины в семью в России по сравнению с западными странами. Усиление этой тенденции в России становится отчетливым в начале 1990-х годов. Этому способствовали социально-экономические реформы. Многие женщины в условиях сжатия рынка труда были вынуждены «уйти в семью». На фоне радикальной переоценки образа профессионально ориентированной женщины и частичной реабилитации внепрофессиональных женских стратегий своего рода ренессанс переживают социологические исследования внутрисемейных распределений обязанностей. Согласно полученным данным, в современной российской семье черты эгалитарности самым причудливым образом сочетаются с признаками традиционности. Наибольшее число российских семей принадлежит к группе так называемых «переходных», в которых мужья помогают женам, но их вклад даже приблизительно нельзя назвать равным. Подавляющее меньшинство российских семей относятся к числу сугубо «традиционных», где мужья не принимают систематического участия в домашнем хозяйстве, или «эгалитарных», в кото-

рых распределение внутрисемейных обязанностей является паритетным [Арутюнян]. Сохраняющееся неравенство в распределении домашних обязанностей получает разные количественные оценки, но, бесспорно, изменение паттерна семейных отношений происходит крайне медленно и противоречиво. Согласно результатам опроса начала 1990-х годов, участие мужа в домашней работе и воспитании детей в среднем составляет 30 % от соответствующего вклада жены [Здравомыслова, 1996]. Несмотря на декларативную поддержку эгалитарных отношений в семье, традиционное распределение ролей продолжает сохранять значение доминирующего культурного образца.

Преобладание женского труда в домашнем хозяйстве, фиксируемое с завидным упорством в разных странах и в разное время, все отчетливее претендовало не просто на очередное эмпирическое подтверждение, но и на *теоретическое осмысление и объяснение*. Эмпирические исследования, как и прежде, составляли основную массу работ по домохозяйственной тематике. Однако в 1970—1990-е годы отчетливо обозначились попытки создания новых теоретических схем, адекватных экономике домашнего хозяйства.

Своеобразным полем сражения экономического и социологического мировоззрений явилось объяснение инерционности *ролевой дифференциации* внутри домохозяйств. Чем определяется мера устойчивости традиционной модели распределения домашнего труда? Какие механизмы регулируют ролевую дифференциацию внутри домохозяйства? Каковы закономерности распределения совокупного труда супругов?

Мы не пытаемся ранжировать теории с точки зрения их объяснительного потенциала. Наша задача состоит, во-первых, в систематизации экономических и социологических концепций, посвященных разделению труда супругов, и, во-вторых, в проверке этих теорий данными эмпирических исследований.

Очерчивание «теоретических горизонтов» начнем с экономических концепций, поскольку многие социологические теории, апеллирующие к данной проблематике, явились либо переложением на социологический язык смягченных вариантов экономических теорий, либо ответной реакцией на нестыковки в экономических схемах.

Разделение труда между супругами: экономические версии

При анализе экономических подходов целесообразно рассмотреть *неоклассическую* и *неоинституциональную* традиции, поскольку именно эти направления формируют методологическое ядро современной гендерной экономики*.

Рационалистический пафос неоклассических моделей мы обсудим на примере теории ресурсов, «новой домашней экономики» и теории относительной производительности. Именно эти аналитические схемы, во-первых, наиболее выпукло презентуют схематизм экономического подхода, а, во-вторых, в их пространстве четко конструируются гипотезы, которые хотелось бы проверить на эмпирических данных.

Объяснение преимущественной ответственности женщин за ведение домашнего хозяйства взяла на себя *теория ресурсов*. Логика данного теоретическо-

* Наиболее полно и интересно теоретические подходы гендерной экономики представлены в работах Е.Б. Мезенцевой [Мезенцева] и И.Е. Калабихиной [Калабихина].

го подхода состоит в следующем. Любая работа, в том числе домашняя, задействует определенные ресурсы. Специфика домашней работы состоит в том, что лишь немногие ее виды претендуют на ресурсы, имеющие жесткую привязку к полу или квалификации исполнителя. Такие виды работ связаны с особыми требованиями к физическим, психическим или квалификационным характеристикам. Так, тяжелая физическая работа закрепляется за мужчинами — обладателями физической силы как специфического ресурса. Но такие работы в домашней экономике — скорее исключение, чем правило. В большинстве случаев домашний труд требует лишь наличия свободного времени. А этим главным ресурсом домашнего труда обладают те, кто менее востребован рынком труда, — в первую очередь, женщины [Blood and Wolfe].

Подобное объяснение полностью выводит вопрос внутрисемейного распределения обязанностей из плоскости идеологии, традиций, культурных норм, трактуя его исключительно как результат *рационального распределения ресурсного потенциала семьи*. Жесткая логика теории ресурсов рисует картину безоговорочного снижения участия в домашнем труде того супруга, чей вклад в семейный бюджет становится решающим. Как правило, мужчина имеет сильные позиции на рынке труда, женщина имеет свободное время.

Нужно сказать, что данные эмпирических исследований не свидетельствовали в пользу столь упрощенной схемы. Во-первых, «уход» от домашнего труда по мере роста заработков супруги демонстрируют далеко не в равной мере. Во-вторых, если говорить не об абсолютной продолжительности домашнего труда, а о доле участия супругов в ведении домашнего хозяйства, то переструктурирование бюджетов времени, как оказалось, слабо зависит от соотношения статусных позиций супругов на рынке труда [Веґк]. А как обстоят дела в России? Подтверждается ли гипотеза об обратной связи вклада в домашний труд с вкладом в семейный бюджет? И одинаков ли характер такой связи (если она существует) для мужа и жены? На эти вопросы мы попытаемся ответить ниже, в эмпирическом разделе данной статьи.

На базе ресурсного подхода развивается теория рационального выбора, которая наиболее полно представлена в «*новой домашней экономике*» Гэри Беккера [Becker, 1965; 1981]. Согласно этому подходу, члены домохозяйства «максимизируют полезность» путем оптимизации расходов времени, затрачиваемого на труд в домашнем хозяйстве и на рынке труда. Для производства благ, производимых в домашней экономике, требуются ресурсы двоякого рода — время и товары*. Согласно прогнозам Г. Беккера, участие мужчин в домашней работе будет увеличиваться с ростом статусных позиций женщин в общественном производстве. Инновационный момент состоял в расширении понятия «неравенства возможностей», куда помимо доходов были отнесены и статусные различия супругов. Согласно такому подходу, вполне оправданной становится гипотеза о сокращении домашнего труда женщин по мере расширения их возможностей на рынке труда в силу демократизации хозяйственной жизни. Гипотезу о

* Сравнительный анализ теории Г. Беккера и близкой по идеям позиции К. Ланкастера содержится в работе Р. Гронау [Gronau]. Если у Беккера домохозяйства нуждаются в определенных благах (commodities), то Ланкастер описывает домашнюю экономику как производство определенных характеристик, или свойств товаров (properties). Однако различие отнюдь не семантическое. Между товарами и их свойствами, по Ланкастеру, нет однозначного соответствия. Беккер же вводит подобное соответствие в качестве базовой предпосылки модели.

статусных преимуществах как основном механизме распределения домашнего труда мы также проверим впоследствии на российских данных.

Учитывая фундаментальность идей Г. Беккера для развития современной экономической теории, уместно привести краткий обзор критических замечаний, высказанных в адрес его концепции. Они сводятся к четырем пунктам.

Первое. Сомнение вызывает сама идея моделирования «единой функции полезности» домохозяйства, игнорирующей относительный вес индивидуальных решений. Другими словами, неоправданно игнорируется проблема неравного распределения власти между членами домохозяйства. Между тем именно дифференциация властных позиций, определяющая «вес» члена домохозяйства в процессе принятия решений, является одним из наиболее актуальных и потенциально содержательных аспектов исследования проблематики домохозяйств.

Второе. Калькуляция рационального типа не объясняет существование некоего *диапозона* реагирования на набор внешних обстоятельств, которое во многом детерминировано внеэкономическими переменными (привычки, традиции, религиозные предпочтения и т. д.) [Geerken and Gove].

Между тем многочисленные кросскультурные сравнения выявили влияние этнических, религиозных признаков в разделении внутрисемейных обязанностей*. Кроме этого, сравнительные исследования, посвященные домохозяйствам, также свидетельствовали в пользу значительной дифференциации моделей их организации у представителей *разных социальных групп*. Так, в конце 1960-х годов выявилась зависимость разделения труда в домашней сфере от структуры социальных связей и неформальных контактов членов семьи, во многом определяемых местом семьи в социальных иерархиях [Bott]. В частности, было показано, что представители нижних страт в большей степени разделяют патриархальные взгляды, а верхние слои общества декларируют приверженность антипатриархальным устоям. Однако на практике именно элитные группы обладают реальными властными ресурсами для воспроизводства патриархальных норм организации домашних хозяйств [Goode]. Объяснение этих различий на языке «новой домашней экономики» связано с серьезными затруднениями.

Третье. Пренебрежение различиями в индивидуальных вкусах и предпочтениях является слишком мощным допущением рассматриваемой модели. Решение женщины остаться дома, с позиций данной теории, может трактоваться либо как отсутствие возможностей ее трудоустройства, либо как рациональный выбор, принимающий во внимание возраст детей и доход мужа. Но очевидно, что этим мотивация домохозяйки, равно как и мотивация профессионально ориентированной женщины, не исчерпывается. В частности, одним из действенных мотивов, влекущих женщин в общественное производство, является чувство ущербности и нереализованности, испытываемое домохозяйками [Brown and Hams; Kessler and McStae]. Для сторонников такой точки зрения «два фронта» женского бытия («нормализация двойного дня») становятся источником материальной и моральной реабилитации женщины, тогда как для их оппонентов — источником стресса и «ролевой перегрузки» [Pleck, p. 97]. Противоречивость интерпретаций свидетельствует о неоднозначности мотивационных установок,

* В частности, оказалось, что американцы больше, чем британцы практикуют платные услуги по уходу за маленькими детьми, а черное население Америки отличается от белого большим участием отцов в воспитании детей, и меньшим - в выполнении прочих видов домашней работы [Pleck].

о невозможности их исчерпывающего объяснения логикой «новой домашней экономики».

Четвертое. Каузальные ряды в модели Г. Беккера не имеют жесткой логической однонаправленности: причина и следствие легко меняются местами с сохранением обидых рационалистических Предпосылок. Так, с одной стороны, женщины сидят дома, *потому* что они зарабатывают меньше мужчин. С другой стороны, они зарабатывают меньше именно *потому*, что, специализуясь на домашнем труде, они теряют (или не приобретают) человеческий капитал. То же самое происходит с каузальной связью между уровнем разводов женщин и их уровнем дохода. С одной стороны, высокие Доходы жены ослабляют ее зависимость от мужа и тем самым создают материальные условия для возможного развода; с другой стороны, разведенная женщина, освободившись от части домашней работы, начинает больше времени и сил отдавать работе на рынке труда и, как следствие, больше зарабатывать [Ben-Porath].

Своеобразным вариантом «новой домашней экономики» стало объяснение вовлечения супругов в домашнюю работу в терминах их *относительной производительности*. Логика, развиваемая в рамках зйгого теоретического подхода, выглядит так: домашняя работа выполняется тем членом домохозяйства, производительность которого на рынке труда минимальна. Производительность в данном случае измеряется уровнем материального вознаграждения и позициями в статусной иерархии формальной экономики. Поскольку, при прочих равных условиях, заработок и «карьерный темп» мужа выше, логично освободить его от домашней работы, переложив ее бремя на жену. В отличие от теории ресурсов, фиксирующей статическое неравенство доходов, данный подход пытается говорить на языке потенциальных возможностей, то есть задействовать динамический аспект анализа. Однако развитие Лотки относительной производительности предусматривает гибкость и подвижность Границ внутрисемейного распределения обязанностей при изменении соотношения материальных и статусных позиций мужа и жены во внесемейной сфере. Вариативность позиций супругов на рынке труда, согласно этой теории, должна неминуемо отражаться на внутрисемейной диспозиции, в частности, на распределении домашней работы.

Насколько эта гипотеза подтверждается данными эмпирических исследований? Действительно, статус женщины в социально-ггрофессиональной иерархии существенно влияет на степень и форму ее вовлечения в домашний труд. Чем выше профессиональный статус женщины, тем менее она включена в домашнюю экономику в форме непосредственного трудового участия, что компенсируется ростом опосредованного участия через денежный вклад в бюджет семьи [Geerken and Gove]. Однако участие мужа в домашнем труде обнаруживает явно выраженную *инерционность* в ввде слабой зг&йсимости от трудовой нагрузки жены в общественном производстве, а также от еепрофессионального статуса [Robinson]. Стабильность степени участия мужа в домашней работе обусловлена комплексом причин, выходящих за рамки экон&мических факторов. Следствием такой стабильности является неизменность абсолютной величины трудовой нагрузки мужа в домашнем хозяйстве, что, однако, не противоречит росту его долевого участия в силу сокращения временных затрат на ведение домашнего хозяйства со стороны работающей жены. Верен ли этот вывод

и для России? В какой степени реализуются статусные преимущества супругов в распределении совокупного семейного труда? Правда ли, что относительно высокий статус мужа ведет к усилению неравенства в домашнем труде в его пользу, тогда как аналогичная ситуация с женой в лучшем случае приводит к выравниванию домашней нагрузки, но не вызывает обратной дискриминации? Последующий эмпирический анализ поможет нам ответить и на этот вопрос.

Принципиально иной подход в проблемам семейного распределения труда предлагает неонституционализм в экономической теории. В отличие от неоклассических теорий неонституционализм довольно молод, а его обращение к проблемам семьи и брака — еще более позднее явление в экономической теории. ОСНОВОПОЛОЖНИК институционализма Т. Веблен показал, что в современном обществе освобождение жены от рыночного труда является наиболее эффективной демонстрацией социального статуса мужа. После Т. Веблена прошло довольно много времени, прежде чем гендерные аспекты вновь обратили на себя внимание институционалистов. Это произошло в 1980-е годы, когда несогласие со схемой неоклассического анализа, сводящего семью к набору устойчивых предпочтений в условиях рационального выбора, сподвигло неонституционалистов к формированию собственного взгляда на проблему семьи и брака. Молодая, но набирающая силу неонституциональная традиция довольно полно представлена теорией *транзакционных издержек брачных отношений*. В чем суть этого взгляда?

Семья существует как институт поддержания долгосрочных отношений, уменьшая риски по накоплению специфического «семейного капитала». Брак рассматривается как особый вид «отношенческого» контракта (relational contracting), в котором длительность отношений и неформальные договоренности играют не менее значимую роль, чем формальные* обязательства. Вся семейная жизнь уподобляется «кооперативной игре». Соответственно теория игр становится методологической основой интерпретации брачных отношений. При таком подходе супруга являются участниками «переговоров», разрешение семейных споров — заключением коалиций с привлечением «третьих лиц» (детей), брак — «отношенческим контрактом», семья — организацией с внутренней институциональной *структурой*, а семейные стратегии — результатом минимизации транзакционных издержек поддержания долговременных рискованных отношений.

Показательны в этом смысле работы Р. Поллака, который прямо предлагает «использовать в анализе семейной сферы методы, разработанные для изучения деятельности фирм» [Поллак, с. 51]. Семья предстает как специфический вид *вертикальной интеграции разнотатусных субъектов**. Почему возможна и целесообразна такая интеграция? С позиции данной теории, как только отношения партнеров становятся сложными и, что принципиально, долговременными, то их отношения все хуже регулируются «полными» контрактами, в которых оговорены все обязательства сторон при любых возможных обстоя-

* Заметим, что в интерпретации вертикальной интеграции лежит одно из базовых различий неоклассиков и неонституционалистов. Для первых вертикальная интеграция — результат неразрывных технологических цепочек, для вторых — результат трудностей регулирования продолжительных рискованных отношений, оформляемых посредством «полного» контракта.

тельствах. Соответственно семья есть способ избегания «полных» контрактов при построении сложных и долговременных отношений. Продолжительность совместной жизни определяется соотношением норм накопления специфического увяжающего *капитала* и рыночного *человеческого капитала*.

Что следует из этой схемы? Распределение труда между супругами может не соответствовать идеалу рационального выбора неоклассического толка, поскольку «переговоры» между супругами могут испытывать воздействие неэкономических факторов — «альтруизма» и «семейной лояльности», терпимости к бездельникам («трутням»), неравных позиций партнеров, привычной конфигурации возможных «коалиций» и т. д. Это делает возможным устойчивый *дисбаланс* трудовых нагрузок супругов. Факторами такого дисбаланса могут служить появление детей, разная степень личностного авторитета, система эмоциональной зависимости и множество иных «ненаблюдаемых*» факторов внеэкономической природы. Не случайно Р. Поллак отмечал, что «основная слабость транзакционного подхода состоит в неспособности создать основу для точного эконометрического анализа» [Поллак, с. 73]. Заметим, что внерыночная природа указанных факторов не должна вводить в заблуждение: при обилии социальной риторики неинституционализм не оставляет места для социологических трактовок, поскольку объясняет распределение совокупного труда семьи как результат действий по минимизации транзакционных издержек в рамках «отношенческих» контрактов между супругами. Тем не менее, сохранив экономический взгляд на природу вещей, неинституционализм существенно расширяет границы понимания рационального поведения супругов по сравнению с неоклассическими теориями.

Сугубо экономические подходы, делающие акцент на рациональности поведения супругов, не давали исчерпывающего ответа на вопрос о детерминантах преобладания женского труда в домашнем хозяйстве. Многочисленные эмпирические исследования с завидным упорством подрывали веру в универсальность этих подходов, представляющих супругов в качестве *homo economicus*. Именно это обстоятельство привело к всплеску интереса социологов к данной проблеме.

В рамках *социологического* подхода предлагались принципиально иные объяснения структуры домашней экономики и распределения труда между супругами. Заметим, что приведенные ниже социологические концепции в очень разной степени связаны собственно с гейдерными исследованиями. Но, так или иначе, вводимые нами концепции являлись наиболее значимыми теоретическими схемами, в рамках которых проблематизируется участие супругов в домашнем хозяйстве.

Распределение труда между супругами: социологические версии

Какие же объяснения распределения труда между супругами были предложены социологическими теориями? Прежде всего, отметим более широкий спектр содержательных вопросов, а также решительный разрыв с попытками все социальные действия свести к сугубо рациональным действиям калькулирующих индивидов.

Крупнейшим теоретическим направлением, рассматривающим отношения домохозяйства и экономики в целом* явился функционализм [Parsons]. Наибо-

лее влиятельный представитель этого направления, Т. Парсонс определял нуклеарную семью как наиболее адекватную форму сожительства людей в период развитого индустриального общества*. По сути, это направление представляет собой социологическую реинтерпретацию базовых постулатов вышеизложенных экономических концепций.

Рольевая дифференциация как характеристика группы может существовать в двух формах — функциональной и иерархической. *Функциональная* дифференциация основана на выполнении членами группы функционально различающихся ролей. *Иерархическая* дифференциация возникает, когда роли ранжируются по статусу в зависимости от вклада исполнителя в достижение групповой цели, что оценивается по уровню необходимой квалификации [Дэвис, Мур]. Любая группа (и домохозяйство как ее частный случай) представляет собой сочетание функциональной и иерархической дифференциации. Глобальность теоретической схемы провоцировала ее «наложение» на частные сферы, в том числе на семейную [Zeiditch]. Объяснение иерархической дифференциации внутри домохозяйства в терминах этой концепции сводилось к различиям в квалификационных требованиях, необходимых для выполнения функциональной роли мужа и жены, а также в силу разной значимости их труда для сохранения (роста) уровня жизни домохозяйства.

В рамках функционалистской парадигмы жене отводится экспрессивная (подчиненная) роль, а мужу — роль инструментальная (доминантная). По Т. Парсонсу, это разделение детерминировано не биологическими особенностями полов, а функциональными требованиями индустриального общества. Ценность мужских рабочих рук на рынке труда делает функционально необходимой их исключенность из домашней сферы с соответствующим закреплением домашней работы за женщинами. Таким образом, ответ на вопрос о причинах преобладания труда женщин в домашнем хозяйстве дается в терминах *максимизации эффективности домохозяйства как экономической системы*.

Иной точки зрения придерживаются авторы концепции *идеологической укорененности* разделения домашнего труда [Land]. Согласно этой концепции, отношение к мужчине как к основному кормильцу служит интересам квалифицированной части рабочего класса, ибо в такой идеологической атмосфере становится легитимным обоснованным требованием калькуляции заработка с учетом потребностей остальных членов семьи. Логика сторонников такой концепции следующая: в силу идеологического штампа восприятия мужчины как добытчика средств к существованию, он получает высокий заработок, что морально и материально оправдывает его меньшее участие в домашнем труде и «работает» на закрепление образа кормильца. Соответственно оправданной выглядит гипотеза домашней эксплуатации на базе идеологически (а не технологически) обусловленной разницы в оплате труда супругов. Заметим, что разрыв в заработках супругов объявлялся решающим фактором и в рассуждениях экономистов. Но в данном подходе механизм неравенства объявляется производной уже не рынка труда, а регулирующих его хозяйственных идеологий.

* Определение Т. Парсонсом домохозяйства через понятие «структурной изоляции» вызвало множество возражений, так как именно связи домохозяйства с внешней средой во многом определяли процессы внутри него [Harris]. Но «изоляция» в концепциях Парсонса ограничивается локализацией места проживания и не предполагает автономность от внешней среды.

Своеобразной «социологической» версией «новой домашней экономики» явилась концепция «*домохозяйственных стратегий*»* [Gershuny and Pahl; Pahl]. Получив законченный вид сравнительно недавно в Великобритании, эта концепция идейно и содержательно восходит к более ранним работам по изучению стран третьего мира, в частности, способов выживания бедняков гетто. Смысловая доминанта концепции, на наш взгляд, состоит в переосмыслении понятия «труд». Дж. Гершуни, центральная фигура этого направления, поставил вопрос о соотношении труда в формальном секторе с «самообеспечением» внутри домохозяйства. «Стратегия домохозяйств» определяется как способ концентрации коллективных усилий членов домохозяйства для достижения определенного уровня жизни и темпа социальной мобильности.

Концепция «домохозяйственных стратегий» базируется на представлении, что, несмотря на индивидуальные характеристики, член домохозяйства практически всегда завязан на поведенческие ориентации остальных домочадцев. Как результат, стратегия домохозяйства является не механической суммой индивидуальных устремлений его членов, а сложным комплексом взаимоориентированных и взаимозависимых стратегий. Термин «стратегия домохозяйства» акцентировал внимание также на том обстоятельстве, что внешне целостное поведение домохозяйства представляет собой результат *сложного согласования* отнюдь не полностью совпадающих интересов его членов. При этом наибольшим потенциалом конфликтности обладают гендерные и возрастные различия членов домохозяйства.

В этом теоретическом контексте можно сформулировать ряд важных вопросов. Если поведение члена домохозяйства формируется в диалоговом режиме с другими членами, то ведет ли увеличение «семейного стажа» к росту ориентации на эгалитарные отношения? Или между супругами происходит разумная специализация, строящаяся не на калькуляции выгод и издержек, а на учете склонностей и субъективных пристрастий? А может речь идет лишь о неравномерном распределении отдельных видов труда, но не его совокупной величины?

Продолжим обзор социологических версий разделения труда между супругами. В последние десятилетия получают развитие так называемые «*статусные теории*», акцентирующие внимание на взаимодействии индивидов посредством «считывания» статусной информации друг о друге, что формирует их взаимные ожидания, влияющие, в свою очередь, на реальное поведение [Kanter; Ridgeway]. Одной из важных статусных характеристик является гендер [Berger et al.]. Различия в статусе мужчины и женщины, согласно этой теории, являются принципиальным источником гендерных различий в поведении. Таким образом, дифференциация статусов супругов формирует определенные взаимные ожидания в плоскости повелевания — подчинения, что определяет модель взаимодействия мужа и жены в рамках домохозяйства.

Такой подход возвращает нас к версии неизбежной женской эксплуатации с той лишь разницей, что «вина» возлагается не на избирательность рынка труда, а на культурные паттерны *статусной адекватности*. Это приводит к необходимости проверить еще одну гипотезу — о наличии принципиальной установки супругов на освобождение женщины от оплачиваемой занятости при высоком уровне благосостояния семьи. Известно также, что представления о

статусной адекватности в мегаполисах иные, чем в небольших городах. Значит ли это, что жители столицы демонстрируют более эгалитарные отношения между супругами, чем жители провинции?

Весьма интересны *сексуально-ролевые* теории, использующие логику биологической или психологической редукции [Freud; Homey]. Принципиальная особенность таких теорий состоит в признании биологической обусловленности гендерной специфики. Истеричность, неуравновешенность, преобладание эмоций над рассудком, сексуальная холодность — вводятся в понятие «норма» при характеристике женского поведения. Предполагается, что эти черты допустимы в домашнем хозяйстве и недопустимы в общественном, где сталкиваются интересы многих людей, и потому возможные издержки слишком велики. При этом делается акцент на том обстоятельстве, что биологически заданные поведенческие модели крайне инерционны и едва ли меняются с изменением положения женщин в экономическом пространстве. Этим, в конечном итоге, объясняется монополия женщин на домашний труд даже при увеличении их возможностей на рынке труда. Впрочем, этим содержательный потенциал подобных теорий не исчерпывается. Речь идет также о *сексуальном шантаже*, который направлен на «выторговывание» благоприятных условий на трудовом фронте. Сексуальная асимметрия трактуется как механизм неравного распределения труда между супругами. Переведем это утверждение на язык гипотез: можно ли объяснить устойчивое неравенство по всем видам деятельности как результат психологической и физиологической зависимости одного супруга от другого, при чем не в отдельных (единичных) случаях, а как распространенная модель внутрисемейных трудовых отношений? Или, наоборот, обоюдная зависимость ведет к уравнительному соучастию супругов в труде?

И, наконец, теории *лешш*даг<шг* поведенческих образцов сводят проблему ролевой дифференциации внутри группы (соответственно и внутри домохозяйства как частного случая группы) к стремлению индивидов соответствовать легитимным образцам, зависящим от пола, возраста, образования, социального статуса и т. д. [Eskilson and Wiley]. Легитимность лидерства мужчин и подчиненного положения женщин на уровне общества, транслируясь на уровень семьи, неизбежно приводит к праву мужчины *выбирать* степень участия в домашнем хозяйстве. Нагрузка женщины в домашней экономике рассматривается как производная этого выбора. Учитывая низкий общественный статус, рутинность и однообразность домашнего труда, мужчины, используя свое право выбора, минимизируют участие в этом труде. Соответственно растут домашние обязанности женщин.

Здесь мы вновь сталкиваемся с постмарксистской версией феминизма, обвиняющего мужчин в эксплуатации женщин. Но насколько правомерны такие обвинения? И как влияют легитимные нормы на механизм ролевой дифференциации? Приводит ли легитимация материнской заботы к увеличению относительной нагрузки женщины, имеющей маленьких детей? Каков легитимный образ заботливого отца? Если ему предписана роль добытчика средств к существованию, то можно ли говорить об усилении диспропорций рыночного и домашнего труда супругов по мере обзаведения потомством? Список вопросов далёко не исчерпан.

Подводя итоги обзора социологических версий ролевой дифференциации в рамках домашней экономики, проясним нашу собственную позицию. На наш

взгляд, нет оснований для вывода о безусловной и изначальной предвзятости какой-то одной теоретической схемы перед остальными. С позиций *функционализма*, иерархия семейных статусов детерминирована дифференциацией компетенции и степени ответственности членов домохозяйства. Теории *статусного восприятия* вносят важную поправку: имеет значение не столько реальная дифференциация компетенции и ответственности; сколько их ментальная оценка и ожидания окружающих. Тендер как статусная характеристика и видя провоцирует определенный набор ожиданий относительно меры ответственности и компетенции, что и определяет в конечном итоге функциональную и иерархическую дифференциацию внутри домохозяйства. *Сексуально-ролевые* теории акцентируют внимание на генетически обусловленной специфике «мужского» и «женского» труда, тогда как теории *«пресса» легитимизации* трактуют разделение труда на мужской и женский (как внутри, так и вне домохозяйства) как результат легитимизации определенных поведенческих образцов. Другими словами, во всех теориях речь идет о регулировании трудового поведения супругов представлениями о «норме» и «отклонении» в их тендерном аспекте. Разница подходов состоит в том, что процесс конструирования норм и воспроизводства санкций за их нарушение объявляется результатом действия принципиально разных механизмов. В одном случае это механизм биологической адекватности, в другом — социальное сканирование статусов, в третьем — идеологически обусловленной предзаданности поведения.

Мы не ставили цели ранжирования теорий с Точки зрения их объяснительного потенциала. Наша задача состояла в обзоре «теоретических горизонтов», конструирующих пространство ключевых гипотез. Каждая из рассмотренных теоретических «систем координат» предлагает свою версию механизмов, воспроизводящих ролевую дифференциацию внутри домашней экономики, а также принципов распределения товарного труда супругов.

Многообразие теоретических подходов как экономического, так и социологического толка определило пространство гипотез. Прежде чем перейти к Их проверке рассмотрим принципиальные возможности изучения домашней экономики на количественных: эмпирических данных.

Эмпирическая верификация домашней** труда: поле для дискуссий

Перед экономистами и перед социологами стояла непростая проблема измерения домашнего труда. В противном случае рассуждения могли остаться в русле обычных спекуляций, которыми дорожит качественная социология. Но как измерять домашний труд? Какие количественные оценки наиболее приемлемы? Как решить проблему микширования домашнего труда и досуговой деятельности? Подобные методологические вопросы вставали перед любым исследователем домашней экономики независимо от его теоретической позиции.

Что касается разделения домашнего труда и досуговой деятельности, то конвенциональная договоренность сводилась к следующему: домашняя деятельность причисляется к труду, если она может быть замещена рыночным аналогом, тогда как принципиальная невозможность такой замены свидетельствует о досуговом характере деятельности. Например, не имеет смысла нанимать человека, получающего вместо вас удовольствие от просмотра кино или делающего вместо вас зарядку [Радаев, с. 212]. Хотя можно найти массу примеров, когда

очевидность подобного разделения труда и досуга утрачивается. Скажем, при анализе бюджетов времени уход за детьми принято относить к трудовой нагрузке, тогда как занятия с детьми — к свободному времени [Артемов, 1999, с. 578], хотя рыночные аналоги отдельных видов занятия с детьми, безусловно, существуют.

Коль скоро удалось с какой-то мерой условности выделить область домашнего труда, следует определиться с алгоритмом его количественного учета. Было предложено и опробовано три варианта *стоимостных* оценок домашнего труда.

1. Согласно методу *вмененных издержек* (или методу «рыночного эквивалента») стоимость выполненной неоплаченной работы определяется как сумма, которую пришлось бы заплатить нанятому работнику за выполнение данной работы.
2. Метод *альтернативных издержек* (или метод «теневого зарплата») определяет стоимость неоплачиваемой домашней работы как эквивалент суммы, которую член домохозяйства мог бы заработать за это время на рынке труда в соответствии со своей квалификацией.
3. Считая, что домашний труд не требует особой квалификации, его оценивают, исходя из *минимальной ставки* почасовой оплаты труда в секторе оплачиваемой занятости.

Все эти подходы не лишены методических ограничений. В рамках первого подхода можно считать спорным измерение домашнего труда рыночными аналогами в ситуации, когда члены домохозяйства принципиально отвергают рыночную альтернативу из-за претензии к качеству или к уровню цен. Правомочность второго подхода еще более неочевидна, поскольку уровни производительности в домашнем и рыночном секторах могут быть абсолютно независимы. Весьма странно присваивать борщу, сваренному уборщицей и кандидатом наук, разную стоимостную оценку. Небесспорным является также полная «деквалификация» домашнего труда и его оценка по минимальной ставке рыночной почасовой оплаты.

Заметим, что вопрос выбора метода оценки домашнего труда носит принципиальный характер. Как верно заметил Дж. Гершуни, использование этих методов ведет к разным выводам о степени неравенства в обществе. Так, метод «рыночного эквивалента» приводит к заключению о том, что «полный доход» семей распределяется более равномерно, нежели рыночные доходы, поскольку разнородные группы практикуют примерно одинаковый объем домашнего труда. Метод же «теневого зарплата» усугубляет неравенство по доходам, поскольку высокодоходные группы являются носителями более высокой квалификации, что предполагает более высокий рыночный эквивалент стоимости часа домашнего труда [Гершуни, с. 348].

Ввиду трудностей получения стоимостных оценок домашней экономики многие исследователи работают с *временными оценками*, то есть измеряют домашний труд не в рублях, а в часах. Это оправданно, поскольку «любой вид деятельности протекает во времени. Из этого следует, что время для экономической деятельности значит даже больше, чем деньги» [Гершуни, с. 343]. Универсальность этой мере придает то обстоятельство, что сутки каждого человека состоят из 1440 минут. Это верно для богатых и бедных, работающих и безработных, мужчин и женщин. Метод временных затрат не пытается перевер-

ста домашнюю экономику в формат стоимостного пространства, а остается верным универсальному измерителю всех видов человеческой деятельности — времени.

Этот подход на сегодняшний день является наиболее распространенным. Он позволяет элиминировать сложность расчетов, не жертвуя при этом содержательной стороной. Реализуется этот подход как в форме анкетного опроса, так и посредством заполнения бюджетов времени.

Традиция бюджетных обследований, связанная в 1920-е годы с именем С.Г. Струмилина*, была воспринята и продолжена социологами 1950—1960-х годов, среди которых стоит выделить работы Г.А. Пруденского и В.Д. Патрушева. К сожалению, в 1980—1990-е годы осталось лишь две исследовательские группы, использующие бюджетно-временной метод: в Институте социологии РАН (руководитель — В.Д. Патрушев) и в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (руководитель — В.А. Артемов).

Бюджет времени — это распределение всего фонда времени суток (недели, месяца и т. д.) на различные виды деятельности. Группировка видов деятельности обычно следующая [Патрушев, с. 452]:

- 1) оплачиваемая работа и виды деятельности, связанные с нею;
- 2) домашний труд и удовлетворение базовых потребностей;
- 3) труд в ЛПХ;
- 4) удовлетворение физиологических потребностей;
- 5) свободное время.

Впрочем, это крайне укрупненная схема: методика ИЭиОПП в 1963 г. учитывала 137 видов деятельности [Методика]. Возникающая в бюджетах проблема сезонности деятельности, особенно сельских жителей, решается введением понятия среднесезонной недели.

Особую ценность представляют данные лонгитюдных обследований, а также международных сравнительных исследований. Так, например, оказалось, что фактическая продолжительность рабочего времени городского населения СССР в 1965—1970 гг. была одной из наименьших среди развитых стран. Однако затраты на домашний труд, прежде всего у женщин, оказались значительно больше [Патрушев, с. 461]. С точки зрения динамики, в 1960—1970-е годы общая трудовая нагрузка женщин сокращалась при росте их свободного времени, в 1980-е годы этот процесс замедлился, а в 1990-е годы было зафиксировано увеличение общей трудовой нагрузки населения [Патрушев, с. 463]. Происходило это на фоне сокращения труда в общественном производстве за счет его увеличения в сфере домашнего хозяйства*. В результате, в 1990-е годы картина — по оценкам группы под рук. В.А. Артёмова — сложилась следующая (табл. 1) [Артемов, 1999, с. 578-579].

Таким образом, в 1990 г. общая трудовая нагрузка работающих горожанок была больше на 13 часов в неделю, чем у мужчин. Много это или мало? Для сравнения: в Финляндии по работающему населению эта разница составляла

* С.г. Струмилин очень точно охарактеризовал эвристический потенциал бюджетно-временного метода: «В бюджете времени не только разделение труда, но и вкусы потребности работника и его общий культурный уровень получают такое освещение, какого из одной лишь приходно-расходной его книжки никогда не получить» [Струмилин, с. 230].

Таблица 1 Расходы времени т видам труда, часы в неделю

	1990 г. (г.Рубцовск)		1994 г. (работающее сельское население Новосибирской области)	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Домашний труд	10,4	27,0	5,4	25,7
Труд в ЛПХ	1,4	0,4	17,1	18,6
Рабочее время	43,7	40,1	49,5	36,5
Время, связанное с работой	6,6	5,5	4,8	4,2
Уход за детьми	1,2	3,3	0,6	2,4
Общая трудовая нагрузка	63,3	76,3	77,5	87,4

6 часов [Time, p. 92—95]. А, скажем, в США в середине 1970-х годов разрыв в продолжительности труда супругов составил менее 3 часов, причем трудовая нагрузка мужчин была больше (!), чем у женщин (54,4 и 51,6 часов соответственно)* [Hill]. Таковы фрагменты данных, полученных в ходе сбора бюджетов времени.

Не менее активно используются и анкетные опросы. Широкою известность приобрела база данных, собранных в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). Анкета РМЭЗ дает возможность получить сведения о продолжительности работы на земельном участке или в ЛПХ, а также о затратах времени на ведение домашнего хозяйства. Последние включают поиск и покупку продуктов питания, приготовление пищи и мытье посуды* уборку квартиры, стирку и глажение одежды, уход за детьми и за нетрудоспособными членами домохозяйства. Серьезным недостатком анкеты является то, что вопросы относятся к последним 7 дням жизни респондента. Отсутствует механизм элиминирования межсезонных колебаний.

Приведем фрагменты данных РМЭЗ по состоянию на конец 1998 г. Недельные расходы времени российских домохозяйств на домашний и подсобный труд, а также участие мужчин и женщин в этих видах деятельности были следующие (табл. 2 и табл. 3)**.

Мы видим, что переход от бюджетных обследований к анкетным опросам, по большому счету, не меняет содержательных выводов. Более того, подтверждается факт устойчиво воспроизводящегося неравенства в распределении трудовой нагрузки супругов. Женский домашний труд продолжительнее мужского более чем в 3 раза, а вовлеченность в него женщин почти стопроцентная. Вне-рыночный труд мужчин менее продолжителен, при этом каждый пятый освобожден от этого труда.

Попытаемся и мы провести анализ распределения трудовой нагрузки, используя наши собственные количественные данные.

* Совокупная трудовая нагрузка мужчин в США была больше, чем у женщин ввиду неравномерности труда не столько в домашней, сколько в рыночной сферах. Так, рыночный труд занимал у мужчин и женщин 40,18 и 16,73 часов соответственно, тогда как домашний — 23,49 и 34,85 часов.

** Анализ данных РМЭЗ (табл. 2 и табл. 3) выполнен студенткой социологического факультета ГУ-ВШЭ Нифонтовой Е. В.

Таблица 2 Продолжительность домашнего труда и труд в ЛПХ (часы в неделю)

	Мужчины			Женщины		
	В браке	Вне брака	Все	В браке	Вне брака	Все
Работа в ЛПХ	3,15	1,83	2,77	1,98	1,22	1,65
Домашний труд	10,09	6,61	9,02	41,17	21,76	32,73

Таблица 3 Участие в домашнем труде и труде в ЛПХ(%)

	Мужчины		Женщины	
	В браке	Вне брака	В браке	Вне брака
Участвуют (%)	79	76	98	92
Не участвуют (%)	21	24	2	8

Раздел II. Эмпирический анализ

В этом разделе мы начнем с операционализации основных понятий и описания источников данных, сформулируем основные гипотезы исследования, а затем займемся их эмпирической проверкой.

Операционализация понятий и источники данных

Для решения поставленной задачи нужно оценить *совокупные затраты семейного труда*. Последние включают три основных элемента:

- рыночный труд;
- домашний труд;
- труд на садово-огородном участке и в личном подсобном хозяйстве (для краткости мы иногда будем называть его подсобным трудом).

Для всех этих разнородных элементов мы будем использовать универсальный (и, как мы уже говорили, единственнонадежный) измеритель — *количество времени*, затрачиваемого в часах каждым членом семьи. Теперь определим каждый элемент в отдельности.

Под *рыночным трудом* мы понимаем всякую оплачиваемую работу, включающую найм (формальный и неформальный), предпринимательскую деятельность и самостоятельную занятость. Главный критерий, отделяющий рыночную занятость от других форм занятости, — получение денежного вознаграждения от других хозяйственных агентов (нанимателя или потребителя услуг). То, что в нынешних условиях это вознаграждение может задерживаться или выплачиваться в виде денежных суррогатов (натуральными продуктами) означает лишь то, что трудовые усилия не вполне достигают поставленной цели, но это не меняет определения труда как рыночного — он производится на рынке в целях извлечения денежного дохода.

Рыночный труд, в свою очередь, складывается из трех основных компонентов, © каждом из которых наших респондентов спрашивали отдельно:

- основная работа (по субъективному определению респондента);

- дополнительная (вторая) работа;
- нерегулярные приработки, гонорары, плата за услуги.

В данной работе мы будем анализировать рыночный труд в целом. Для каждого супруга он рассчитывался как сумма общих затрат рабочего времени на все виды оплачиваемой занятости.

В отличие от рыночной занятости, реализуемой в публичной сфере, *домашний труд* сосредоточен в частной сфере. Он представляет собой труд по натуральному самообеспечению в городском домашнем хозяйстве.

Эта деятельность связана преимущественно с производством услуг и, отчасти, с изготовлением продуктов и вещей в малых масштабах для нужд личного и семейного потребления. Здесь продукт изначально не должен принимать денежную форму.

Домашний труд измерялся нами как сумма часов, затрачиваемых в среднем в неделю на основные виды домашних работ, а именно: приготовление пищи, хождение по магазинам, уборка квартиры, стирка, мелкий бытовой ремонт, занятия с детьми. В этой статье мы будем оперировать общей суммой этих затрат. Отметим, что вопросы о домашней нагрузке в будние и выходные дни задавались отдельно, но итоговая сумма рассчитывалась как средневзвешенное значение трудовой нагрузки в будние и выходные дни.

Наконец, *подсобный труд* представляет особую разновидность домашнего труда по натуральному самообеспечению, который производится для семейных нужд вне городского домашнего хозяйства — на даче, садово-огородном участке, в личном подсобном хозяйстве. Здесь мы также спрашивали о количестве времени затрачиваемом в среднем в неделю. При этом вопросы о летнем и зимнем периоде задавались отдельно, а затем вычислялась условная среднегодовая величина.

Следует учесть, что применяемый нами метод измерения, связанный с оценкой затрат труда за часы времени по отдельным видам труда, с большой вероятностью может приводить к завышению общего количества трудовых часов по сравнению, например, с детальными обследованиями бюджетов времени (особенно это касается домашнего труда). Но для решения поставленной задачи нам важны не столько абсолютные цифры, сколько соотношение трудовых нагрузок супругов, а также факторы перераспределения труда между его разными видами.

Источником эмпирических данных являлись данные стандартизованного опроса 752 глав городских домашних хозяйств, проведенного в марте 1998 г. по территориальным выборкам в трех регионах России (Москва, Нижний Новгород, Иваново)*. В каждой семье опрашивался один человек (глава семьи), который давал(а) подробные сведения о занятости супруга(и). При такой схеме опроса, конечно, может возникать известный эффект «асимметрии приписывания», когда респондент всячески преувеличивают свои заслуги и несколько приуменьшает вклад других. Но поскольку нашими респондентами были и мужчины и женщины, мы надеемся, что отклонения взаимно погасались.

* Данные собраны в рамках проекта «Стратегии экономического выживания населения в современной России», реализованного в Интерцентре при Московской высшей школе социальных и экономических наук при поддержке московского представительства Фонда Форда (руководитель — В.В. Радаев, основные исполнители — О.Е. Кузина и Я.М. Рощина).

Поскольку данное исследование посвящено внутрисемейному распределению трудовых нагрузок между супругами, то из общей выборки были отобраны только полные семьи (не важно, в официальном или гражданском браке). Таких семей в нашей выборке оказалось 450. На материале этой группы проводились все наши расчеты.

Основные гипотезы исследования

Содержательная нацеленность исследования задает пространство основных верифицируемых гипотез. Нами сформулировано пять гипотез, объясняющих принципы распределения труда в домашнем хозяйстве, и семь гипотез, объясняющих степень равенства/неравенства в этом распределении. При этом выдвинутые гипотезы во многих случаях являются альтернативными по отношению друг к другу.

Гипотезы о принципах распределения труда

- 1. Гипотеза уравнительного соучастия, или эгалитарного распределения труда.* Затраты труда распределяются между супругами относительно равномерно. В первую очередь, это касается совокупных трудовых затрат, но, в тенденции, также и нагрузки по отдельным видам труда. Если один занимается чем-то (например, домашним или подсобным хозяйством), то другой втягивается в процесс соучастия, чтобы работать вместе, оказывая поддержку друг другу, и к тому же соблюдая принцип уравнительной справедливости. Рыночная компонента труда практически также уравнена: женщина занята на рынке труда в той же мере, что и мужчина. Добавим, что данная гипотеза рисует демократический идеал феминизма.
- 2. Гипотеза дифференцированной трудовой активности, или неравной дееспособности супругов.* Нагрузка распределяется неравномерно по всем видам труда, причем, без достаточных компенсационных эффектов. Кто более активен в одной сфере трудовых занятий, оказывается относительно более активным и в другой. Степень трудовой активности определена, во-первых, индивидуальными характеристиками супругов (склад характера, состояние здоровья). Во-вторых, она зависит от специфики аффективных связей в семье, неравного распределения власти в гендерных отношениях. Речь идет об использовании благорасположения супруга(и) сразу по всем направлениям. Эта гипотеза, таким образом, включает психологический и физиологический элементы.
- 3. Гипотеза эффективной специализации, или распределения труда между супругами.* В рамках такой версии происходит разумное распределение труда: один из супругов берет на себя одни обязанности, другой старается взять на себя другие. Различия, таким образом, касаются занятости отдельными видами труда (на рынке или в домашнем хозяйстве) и в общей сумме более или менее погашаются. Например, если рыночная активность мужчины более высока, то женщина больше занимается домашним хозяйством. Или если женщина вовлекается в рыночную занятость, мужчина начинает больше заниматься домашним трудом или уделять больше времени личному подсобному хозяйству. Это экономическая интерпретация. Феминистки назовут ее традиционалистской.

4. *Гипотеза экономического утилитаризма, или максимизации дохода.* Согласно этой гипотезе каждый супруг направляет свои трудовые усилия туда, где его/ее труд даст наибольшую отдачу для блага всей семьи. Соответственно, основной кормилец получает возможность снижать затраты труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве. Тот, кто зарабатывает меньше, независимо от тендерного признака, вынужден взять эту нагрузку на себя. Это лишь иной вариант экономической версии, которую называют концепцией соотносительных ресурсов [Римашевская и др., с. 113].

5: *Гипотеза домашней эксплуатации.* Женщина является объектом эксплуатации в домашнем хозяйстве со стороны мужчины: домашний труд в значительной степени ложится на плечи женщины и не зависит от рыночной нагрузки супругов. Увеличение рыночной нагрузки женщины не приводит к серьезному перераспределению ее домашних обязанностей. Также как и снижение оплачиваемой занятости мужчины не приводит к его большему вовлечению в домашние дела. Подобное положение вещей покоится на воспроизводстве многовековой традиции гендерной дискриминации. Такова постмарксистская интерпретация, неизменно популярная в феминистских кругах при объяснении существующего положения дел.

Если принципы распределения труда между супругами заданы вышеописанной системой гипотез, то остается вопрос: от чего зависит распределение труда между его основными видами — рыночным и домашним?

Гипотезы о степени равенства/неравенства в распределении рыночного и домашнего труда

1. *Гипотеза дифференцированной семейной привязанности.* Наличие несовершеннолетних детей в наибольшей степени привязывает женщину к домашнему хозяйству. Рост в семье числа иждивенцев также способствует относительному увеличению домашнего труда женщины.
2. *Гипотеза возрастного уравнивания.* Чем старше становятся супруги, тем более эгалитарным выглядит разделение труда в семье. Во-первых, по мере взросления детей женщина становится более активной на поприще рыночной занятости. Во-вторых, с возрастом и увеличением семейного «стажа» возрастает взаимная поддержка супругой, что может проявляться, в том числе, и в более равномерном распределении трудовых обязанностей.
3. *Гипотеза неизжитой «патриархальности».* В семьях с более высоким уровнем образования и накопленного человеческого капитала распределение рыночной и домашней трудовой нагрузки более равномерное. Семьи с более низким уровнем человеческого капитала в большей степени воспроизводят «патриархальное» разделение труда.
4. *Гипотеза компенсирующего третьего.* Наличие «третьих лиц» — других взрослых членов семьи — позволяет супругам освободиться от части домашнего труда. Причем, в первую очередь, от этого выигрывает женщина. Например, супруга не успевает готовить еду и ухаживать за детьми, часто за нее это делает ее мать. В результате трудовая поддержка других членов семьи (в первую очередь, бабушек) снижает степень неравенства между супругами в домашнем труде.
5. *Гипотеза статусных преимуществ.* Женщины часто имеют более низкий должностной статус, что отражается на распределении труда в домашнем хозяй-

стве. Наличие относительно высокого статуса у мужчины ведет к усилению неравенства в домашнем труде в его пользу. Повышение должностного статуса женщины не приводит к кардинальному переопределению ситуации, однако усиливает равномерность в распределении домашнего труда,

6. *Гипотеза растущего благосостояния.* С ростом доходов и материального благосостояния семьи женщина освобождается от рыночного труда и становится обеспеченной домохозяйкой.

7. *Гипотеза прогрессивности столичной жизни.* Жители Москвы демонстрируют более эгалитарное распределение рыночного и домашнего труда между супругами по сравнению с жителями других городов.

Распределение совокупного труда

Для проверки указанных гипотез нами рассчитаны три рода показателей:

- число рабочих часов, затрачиваемых супругами в каждой трудовой сфере (в среднем, в неделю);
- доля времени, затрачиваемого каждым из супругов на каждый вид трудовой деятельности;
- примерная доля доходов каждого из супругов в семейном бюджете*.

По нашим данным средние совокупные затраты труда супружеской пары выглядят следующим образом (табл. 4).

В среднем на человека приходится чуть более 30 рабочих часов рыночной занятости в неделю, при этом рыночный труд не составляет основной доли семейных затрат труда. Практически половина трудовых затрат приходится на домашнее хозяйство. И в целом объем домашнего труда превышает в нашем случае масштабы рыночного труда.

В садово-огородном или/и личном подсобном хозяйстве работают около половины обследованных семей. Труд в подсобном хозяйстве по своим масштабам не очень значителен, но все же составляет по три часа на человека в среднем в неделю. Основная нагрузка приходится на летний период (здесь занятость значительно выше), в зимний период она практически отсутствует.

Все это касалось двух супругов в целом. А на что тратят свое время каждый из них? Данные содержатся в табл. 5.

Таковы исходные данные**. Теперь проверим наши основные гипотезы, касающиеся механизма распределения труда между супругами.

Проверка гипотез о механизмах распределения труда

1. *Гипотеза уравнительного соучастия, или эгалитарного распределения труда:* затраты труда распределяются между супругами относительно равномерно.

* Вопросы о бюджете были адресованы не семье как совокупности всех проживающих в данной квартире (частном доме), а домохозяйству как совокупности домочадцев, которые не только постоянно проживают вместе, но и имеют общий бюджет основных расходов.

** Интересно сравнить наши данные с результатами обследований бюджетов времени 155 мужчин и 185 женщин г. Пскова, проведенного в 1998 г. (т. е. в год нашего опроса) В.Д. Патрушевым и Т.М. Карахановой. Несмотря на разные выборки и разницу в методиках сбора данных, некоторые результаты на удивление близки. Например, рыночный труд в данных бюджетов времени оценен как 38 часов в неделю у мужчин и 23 часа у женщин, что практически совпадает с нашими данными (см. табл. 5). Масштабы домашнего труда по данным коллег более скромные — 21,1 и 30,5

Таблица 4 Структура совокупного семейного труда (оба супруга)

	Виды труда			
	Рыночный	Домашний	Подсобный	Совокупный
Часы в неделю	63.7	70.2	9.5	143.4
Доля (%)	43.2	50.5	6.3	100

Таблица 5 Структура труда супругов

		Виды труда			
		Рыночный	Домашний	Подсобный	Совокупный
Мужчины	Часы в неделю	38.0	23.0	4.7	65.7
	Доля (%)	55.3	37.3	7.4	100
Женщины	Часы в неделю	25.7	47.2	4.8	77.7
	Доля (%)	30.3	63.7	6.0	100.

Эта гипотеза не подтвердилась. И хотя уровень совокупных затрат труда у мужчины и женщины относительно близок, но эгалитарным распределением это не назовешь. Так, на мужчину приходится 45 %, на женщину — 55 % семейного времени (табл. 6), соответственно у женщины совокупные затраты труда в неделю составляют около 78 часов, у мужчины — 66 часов. Это означает, что в среднем (с учетом выходных) трудовой день женщины на полтора часа длиннее. Согласимся, что многие могли ожидать большего неравенства.

Что касается отдельных видов труда, то наиболее близки к идеалу эгалитарности трудовые затраты в личном подсобном хозяйстве. Женщины и здесь трудятся больше, чем мужчины, но разница между ними минимальна — 51 % против 49 %*. Труд в саду и огороде — дело поистине коллективное. Люди выезжают вместе и трудятся бок о бок. Любопытно, что распределение подсобного труда не зависит ни от каких параметров — демографических, профессиональных, материальных. Это особый мир, здесь никто не имеет преимуществ или поблажек**.

На этом, впрочем, эгалитарная идиллия заканчивается. Рыночный труд распределен уже весьма неравномерно. На долю мужчин приходится 62 %, на

часов соответственно. В нашем случае значительно более высока оценка домашней нагрузки женщин, тогда как масштабы домашнего труда мужчин в двух исследованиях близки — 21 и 23 часа в неделю соответственно. Что же касается труда в подсобном хозяйстве, то данные Патрушева и Карахановой сильно занижены по сравнению со среднегодовым уровнем, ибо их обследование проводилось в ноябре—январе, т. е. в «мертвый сезон». Вполне естественно, эти затраты труда оказались минимальны — 0,3 часа в неделю для мужчины и 0,2 часа для женщины [Караханова, с. 110-112].

* Вывод о практически равном вкладе супругов в подсобное хозяйство совпадает с данными опроса 4023 городских домохозяйств, проведенным в то же самое время Институтом сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) в Кемерово, Люберцах, Самаре и Сыктывкаре [Алашеев и др., с. 145],^а также с результатами, полученными на основе данных РМЭЗ [Rands].

** Это служит еще одним доказательством целесообразности отделения труда в садах и огородах от домашнего труда (часто они просто суммируются).

Таблица 6 Сравнительный вклад супругов в совокупный семейный труд (%)

	Виды труда			
	Рыночный	Домашний	Подсобный	Совокупный
Доля мужчины	62	31	49	45
Доля женщины	38	69	51	55
Всего	100	100	100	100

долю женщин — лишь 38 % рыночных усилий семьи. Мужчины по-прежнему более активно представлены на рынке труда. А вот в частной сфере мы видим обратную картину: на долю мужчин приходится менее трети (31 %) семейных затрат домашнего труда, тогда как женщине достается, соответственно, 69 %. Таким образом, более высокая общая трудовая нагрузка женщины связана преимущественно с домашним трудом, хотя разрыв частично компенсируется большей загруженностью мужчин на рынке труда (табл. 6).

2. Гипотеза дифференцированной трудовой активности, или неравной дееспособности супругов. Кто более активен в одной сфере трудовых занятий, оказывается относительно более активным и в другой сфере.

Данная гипотеза в целом не подтвердилась. По нашим данным, нет однозначной связи между рыночным и подсобным трудом, а рыночный и домашний труд находятся в обратной зависимости. Чем больше мужчина вкладывается в оплачиваемую занятость, тем меньше времени он тратит на домашние обязанности и на труд в личном подсобном хозяйстве. У женщин активности сразу на всех фронтах тоже не наблюдается. Единственное исключение составляет соотношение труда в домашнем и личном подсобном хозяйствах: с ростом одного растет и другое. Впрочем, это касается в основном мужчин, домашняя нагрузка которых сопровождается ростом труда в подсобном хозяйстве (таких мужчин принято называть «хозяйственными»). У женщин связь между количеством часов, затраченных в домашнем и подсобном хозяйствах, не обнаружена.

Таким образом, мы видим, что безудержного трудового порыва сразу по всем направлениям не наблюдается. Увеличение трудового бремени в одной сфере труда, с некоторыми исключениями, приводит к экономии усилий в другой сфере (возможно, просто не остается времени и сил).

3. Гипотеза эффективной специализации, или распределения труда между супругами. Если один из супругов берет на себя одни обязанности, другой старается взять на себя другие.

Эта гипотеза имеет куда больше эмпирических оснований. Ибо чем выше доля времени, затрачиваемого одним из супругов (не важно, мужчиной или женщиной) на рынке труда, тем меньше доля времени, уделяемого домашнему хозяйству (табл. 7—8). С этой точки зрения поведение супругов выглядит довольно рациональным и, в общем, соответствует представлениям экономической теории о том, как должны вести себя «нормальные средние люди» в «обычной» семье.

Однако при более детальном рассмотрении картина дополняется одним очень важным штрихом. Увеличение занятости мужчины на рынке труда, дей-

Таблица 7 Рыночный труд мужчины и распределение домашнего труда супругов

	Рыночный труд мужчины (часов в неделю)			
	0	1-40	41-50	Более 50
Домашний труд мужчины (часов в неделю, в среднем)	26	24	22	20
Домашний труд женщины (часов в неделю, в среднем)	42	48	47	50
Доля домашнего труда мужчины (%)	36	31	30	27
Доля домашнего труда женщины (%)	64	69	70	3

Таблица 8 Рыночный труд женщины и распределение домашнего труда супругов

	Рыночный труд женщины (часов в неделю)		
	0	1-40	Более 40
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	54	45	42
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	23	23	22
Доля домашнего труда женщины (%)	72	68	67
Доля домашнего труда мужчины (%)	28	32	33

ствительно, вынуждает женщину уделять больше времени домашнему хозяйству (с ее занятостью в подсобном хозяйстве связь, скорее, обратная). А вот в случае с женщинами все обстоит несколько иным образом. Если женщина больше часов проводит на работе, то мужчина отнюдь не начинает больше выкладываться на домашнем фронте — подобная связь отсутствует. Иными словами, увеличение оплачиваемой занятости позволяет женщине снять с себя часть домашних обязанностей (ее доля в домашнем труде снижается), но эти обязанности не перекадываются на плечи мужчины (его домашняя занятость возрастает только относительно, а не абсолютно) (табл. 7—8). Эти домашние обязанности «подвисают», возможно, в ущерб домашнему благополучию и комфорту или подхватываются другими членами семьи (сестрами или бабушками).

Таким образом, рационализация в распределении труда между супругами в духе *homo economicus*, очевидно, существует, но реализуема прежде всего не мужчинами. Жизнь женщины в стандарты «экономического человека» пока не вписывается.

4. *Гипотеза экономического утилитаризма, или максимизации дохода. С ростом доли дохода в семейном бюджете основной кормилец (не важно, мужчина или женщина) снижает затраты труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве.*

Рациональность разделения труда с экономической точки зрения связана не только с распределением трудовых часов, но и с относительным уровнем получаемых доходов. И денежное измерение способно внести серьезные коррективы в представления о механизмах распределения семейного труда. Заметим, что в опрошенных семьях мужчины в среднем обеспечивали 60 % доходов

семейного бюджета, на женщин приходилось значительно меньше — 33 %. Оставшаяся часть вносилась другими членами экономической семьи.

Данные о семейных доходах подтверждают гипотезу об эффективной специализации в рамках совокупных трудозатрат. Чем больший доход приносится в дом мужчиной, тем меньше его доля в домашнем и подсобном труде (хотя снижение и не радикально). При этом абсолютные затраты мужчины на домашний труд почти не снижаются, зато женщина начинает больше работать по дому. Если же возрастает роль женщины как кормильца семьи, она также слагает с себя часть домашних обязанностей (на занятости в подсобном хозяйстве это не сказывается). Перелом достигается, когда заработки женщины начинают покрывать более одной четверти семейного бюджета. Однако при росте денежного вклада женщины домашний труд мужчины растет лишь в относительном, но не в абсолютном выражении (табл. 9—10). Утилитаристские законы работают в большей степени на мужчину.

5. Гипотеза домашней эксплуатации. Домашний труд в значительной степени ложится на плечи женщины и не зависит от рыночной нагрузки супругов.

Эта крайне популярная гипотеза не подтвердилась. Мы уже указывали на то, что возрастание нагрузки женщины на рынке труда влечет за собой снижение ее домашних забот в абсолютном и в относительном выражении. Что, впрочем, не освобождает женщину от работы в садово-огородном и личном подсобном хозяйствах, но там трудовая нагрузка все же не столь велика. Если занятость мужчины на рынке снижается, то его вклад в домашнее хозяйство, пусть не значительно, но растет, то есть происходит частичное перераспределение обязанностей. Хотя общая трудовая нагрузка, лежащая на плечах женщины, более тяжела, все-таки говорить о «двойной нагрузке» мы, видимо, не можем.

Проверка гипотез о неравенстве в распределении рыночного и домашнего труда

Какие же факторы влияют на неравномерное распределение рыночного и домашнего труда? Что удерживает женщину в домашнем хозяйстве в ущерб рыночной занятости (или загоняет ее в домашнее хозяйство) — привязанность к малым детям, традиционные представления о том, что «место женщины на кухне»? А может, женщина и не хочет выходить на работу? При высоком уровне материальной обеспеченности семьи женщина может добровольно остаться дома — заниматься собой и детьми. Но что тогда гонит другую женщину на рынок труда — нехватка средств к существованию, возможность переложить домашние заботы на других родственников, потребность в самореализации? Разумеется, мы не в состоянии в полной мере ответить на эти сложные вопросы. Однако, надеемся пролить свет хотя бы на некоторые аспекты данной проблемы.

1. Гипотеза дифференцированной семейной привязанности. Наличие детей и иждивенцев привязывает женщину к домашнему хозяйству.

Что происходит, если в семье появляются несовершеннолетние дети? По нашим данным, прежде всего, возрастает общая нагрузка родителей. Приходится уделять больше времени домашним обязанностям и, вдобавок, пытаться больше зарабатывать на рынке труда для поддержания привычного уров-

Таблица 9 Доходы мужчины и распределение домашнего труда супругов

	Доля доходов мужчины в семейном бюджете		
	50 % и менее	51-75%	76-100 %
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	24	22	22
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	43	46	56
Доля домашнего труда мужчины (%)	33	31	28
Доля домашнего труда женщины (%)	67	69	72

Таблица И) Доходы женщины и распределение домашнего труда супругов

	Доля доходов женщины в семейном бюджете		
	50 % и менее	51-75%	76-100 %
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	52	44	44
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	22	24	24
Доля домашнего труда женщины (%)	72	68	66
Доля домашнего труда мужчины (%)	28	32	34

ня жизни. Соответственно, на личное подсобное хозяйство времени и сил остается меньше*.

Вопреки нашим ожиданиям, с появлением детей занятость на рынке труда и в домашнем хозяйстве возрастает как у женщины, так и у мужчины. Серьезного перераспределения трудовых затрат между супругами не наблюдается. Дополнительное бремя увеличивается, но происходит это относительно равномерно. Другое дело, что в случае с домашним трудом возрастает и без того немалый разрыв между женщиной и мужчиной в часах времени, которое уходит на домашние дела (табл. 11). Однако перераспределительная гипотеза, которая казалась столь очевидной, простого подтверждения не нашла**.

Теперь рассмотрим влияние общего числа иждивенцев, под которыми понимаются члены семьи (взрослые и дети), вклад которых в семейный бюджет равен нулю или составляет незначительную долю, не превышающую 5—10 % бюджета. Мы рассчитали несложный индекс иждивенческой нагрузки, равный доле иждивенцев в составе семьи и получили на его основе следующую картину.

* Данные об уменьшении занятий подсобным хозяйством с появлением детей не соответствуют результатам, полученным ИСИТО в апреле 1998 г., хотя вывод о прямой связи между общим размером семьи и занятостью в подсобном хозяйстве верен и в нашем случае [Алашеев и др., с. 141].

** В данной работе мы не анализируем распределение нагрузки по отдельным видам домашнего труда. По свидетельствам других авторов, уход за детьми в решающей степени остается заботой женщины. В то же время мужчины начинают уделять больше времени покупкам, уборке, мытью посуды.

Таблица 11 Рыночный труд мужчины и распределение домашнего труда супругов

	Количество детей до 16 лет		
	Нет	Один	Два и более
Рыночный труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	33	42	45
Рыночный труд женщины (часы в неделю, в среднем)	23	28	30
Доля рыночного труда мужчины (%)	61	63	63
Доля рыночного труда женщины (%)	39	37	37
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	19	26	27
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	39	54	61
Доля домашнего труда мужчины (%)	31	31	30
Доля домашнего труда женщины (%)	69	69	70

Таблица 12 Иждивенческая нагрузка семьи и распределение труда супругов

	Число иждивенцев/число кормильцев			
	0	1:2	1:1	2:1 и более
Рыночный труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	29	42	43	48
Рыночный труд женщины (часы в неделю, в среднем)	23	33	30	14
Доля рыночного труда мужчины (%)	59	56	61	80
Доля рыночного труда женщины (%)	41	44	39	20
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	21	22	25	23
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	40	44	50	64
Доля домашнего труда мужчины (%)	32	30	32	26
Доля домашнего труда женщины (%)	68	70	68	74

С ростом иждивенческой нагрузки, как и в случае с несовершеннолетними детьми, обоим супругам приходится работать больше. Но существенная разница состоит в том, что рыночный труд устойчиво растет прежде всего у мужчин. У женщины занятость на рынке труда изменяется более сложным образом. Появление лиц на иждивении заставляет ее работать больше для поддержания жизненного уровня семьи. Но если доля иждивенцев относительно числа кормильцев достигает 2:1 и более, то рыночный труд женщины резко снижается. В этой группе велика доля домохозяек (табл. 12). С домашним трудом противоположная ситуация: его рост демонстрируют, прежде всего, женщины. Мужчина не берет на себя дополнительных обязанностей, концентрируясь на возможности дополнительных заработков. В целом можно считать, что в случае с «иждивенцами» гипотеза подтвердилась. Впрочем, надо иметь в виду, что семей, где единственным кормильцем является мужчина, в нашей выборке было 8 %, тогда как женщин, приносящих 100 % семейного дохода, было всего 1 %.

2. *Гипотеза возрастного уравнивания. Чем старше становятся супруги, тем более эгалитарным выглядит распределение труда в семье.*

Данная гипотеза подтверждается только в отношении рыночного труда, да и то с определенными оговорками. В качестве показателя возраста семьи мы использовали среднюю арифметическую от возраста двух супругов. Мужчины достаточно активны на рынке труда в течение всего трудоспособного возраста. Женщины до 35 лет заняты в рыночной сфере значительно меньше, затем их активность возрастает. Соответственно, доля мужчины в семейной оплачиваемой занятости с возрастом снижается. Исключение составляют те, кому за 60. В этом возрасте масштабы оплачиваемой занятости обоих супругов резко падают, но доля рыночной занятости мужчины решительно возрастает — работают в пенсионном возрасте чаще именно мужчины (табл. 13).

С домашним трудом история выглядит несколько иначе. По мере перехода к старшим возрастным группам вовлеченность в домашний труд обоих супругов снижается. Представления о том, что с возрастом женщина уделяет все больше времени домашнему хозяйству, кажутся необоснованными. Более того, у женщин наблюдается спад такой активности после 40—45 лет. Немного увеличиваются затраты домашнего труда обоих супругов в пенсионном возрасте, когда многие прекращают работать на рынке труда, но вот перераспределения домашнего труда между женщиной и мужчиной с изменением возраста не происходит (табл. 13). Средние величины домашнего труда слабо зависят от возраста.

3. Гипотеза неизжитой патриархальности. Семьи с более низким уровнем человеческого капитала воспроизводят патриархальное разделение труда.

Образование является важным фактором, который, как хотелось бы думать, влияет на структуру семейных отношений и, в том числе, на распределение трудовых обязанностей. В рамках данной гипотезы мы исходили из предположения, что более образованные люди придерживаются более «современной» (то есть более эгалитарной) модели внутрисемейных отношений. Под семейным человеческим капиталом мы понимаем количество лет, затраченных обоими супругами на все виды образования и профессиональной подготовки.

Увы, гипотеза не подтвердилась. С ростом образования супругов увеличивается их занятость на рынке труда, а также роль оплачиваемой занятости в совокупной трудовой нагрузке обоих партнеров. На перераспределение труда (как рыночного, так и домашнего) это никак не влияет. Высокообразованные семьи в этом смысле мало отличаются от низкообразованных.

Картина не меняется, если взять уровень образования каждого из супругов отдельно. Более образованные мужчины не проявляют большей «сознательности» в выполнении домашних обязанностей, хотя и не уклоняются от них по сравнению с менее образованными. Сказать, что менее образованные женщины тратят больше времени на домашнее хозяйство, мы тоже не можем.

Правда, обнаружены подвижки в подсобном труде. В более образованных семьях женщины менее охотно копаются в саду и огороде, и более весомая часть этого труда выполняется мужчинами. С чем это связано, объяснить не так просто.

4. Гипотеза компенсирующего третьего. Трудовая поддержка других членов семьи снижает степень неравенства между супругами в домашнем труде.

Если вместе с супругами живут их родители или другие взрослые родственники, то они, как правярю, могут помочь в домашних делах. А поскольку доля

Таблица 13 Возраст семьи и распределение труда супругов

	Возраст семьи (среднее число лет)			
	35 и менее	36-45	46-59	60 и более
Рыночный труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	45	44	40	12
Рыночный труд женщины (часы в неделю, в среднем)	24	32	32	6
Доля рыночного труда мужчины (%)	68	61	56	68
Доля рыночного труда женщины (%)	32	39	44	32
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	25	23	20	24
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	52	51	41	43
Доля домашнего труда мужчины (%)	31	30	31	32
Доля домашнего труда женщины (%)	69	70	69	68

женщины в домашнем труде выше, то она, соответственно, больше нуждается в такой помощи.

Говорить о безусловном подтверждении данной гипотезы не приходится. Да, при поддержке других взрослых членов семьи, оба супруга могут спокойно увеличивать свою рыночную занятость, которая возрастает в этом случае и по количеству рабочих часов, и по удельному весу в общей трудовой нагрузке каждого из супругов. При этом для женщины важно наличие хотя бы одного взрослого человека, рост их числа в ее рыночной занятости ничего не меняет.

Увеличение рыночного труда происходит за счет сокращения домашних обязанностей. Но вот перераспределения домашнего труда между супругами не обнаружено (табл. 14) Это означает, что мужчина и женщина примерно в равной мере выигрывают от родственной поддержки и получают возможность перераспределить свои усилия в пользу оплачиваемой занятости, что не ведет к росту эгалитарности в их отношениях.

5. Гипотеза статусных преимуществ. Повышение должностного статуса мужчины усиливает неравенство в домашнем труде в его пользу. Повышение должностного статуса женщины производит уравнивающий эффект.

Мы выделили четыре социально-профессиональные группы: руководители всех уровней; специалисты (работают на местах, требующих выдв*? образования); служащие (работают на местах, не требующих высшего образования) и рабочие. Социально-профессиональный статус определялся только для работающей части респондентов.

Гипотеза не была опровергнута только для одной категории работников — руководителей, да и здесь применительно в основном к мужчинам. Мужчина-руководитель, действительно, больше времени проводит на работе, значительно меньше внимания уделяет домашним обязанностям, и, соответственно, его доля в рыночном труде выше, а в домашнем — ниже. Прочие категории работников по этому основанию между собой практически не различаются. Что же касается женщин, то изменения их должностных статусов на интересующие нас параметры не влияет. Даже если женщина оказывается руководителем, ей, конечно, приходится больше времени проводить на службе, но кардинального изменения в совокупном труде это не вызывает.

Таблица 14 Наличие других взрослых членов семьи и распределение труда супругов

	Количество других взрослых в семье		
	Нет	Один	Два и более
Рыночный труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	35	41	46
Рыночный труд женщины (часы в неделю, в среднем)	23	30	30
Доля рыночного труда мужчины (%)	63	60	63
Доля рыночного труда женщины (%)	37	40	37
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	24	22	19
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	49	45	42
Доля домашнего труда мужчины (%)	32	30	30
Доля домашнего труда женщины (%)	68	70	70

Возможные предположения о тяготении семей рабочих к традиционному разделению труда тоже не подтвердились. Распределение трудовой нагрузки оказывается относительно нейтральным по отношению к социально-профессиональному статусу (за исключением высших должностных категорий) (табл. 15—16).

6. Гипотеза растущего благосостояния. Низкий уровень семейных доходов заставляет женщину искать работу на рынке труда. В свою очередь, более высокий уровень доходов и материального благосостояния семьи позволяет женщине освободиться от рыночного труда.

Уровень материального благосостояния измерялся нами по трем взаимодополняющим показателям: уровень текущих среднедушевых доходов семьи; имущественная обеспеченность (число предметов потребления длительного пользования из стандартного набора) и, наконец, субъективная оценка материальной обеспеченности (по стандартной шкале ВЦИОМ).

Гипотеза в целом подтверждения не нашла. Возрастающий уровень материального благосостояния не освобождает женщину от рыночной занятости (вполне вероятно, более высокий материальный достаток и поддерживается благодаря тому, что женщина не покидает рынка труда). С ростом имущественной обеспеченности рыночная нагрузка женщины даже возрастает. Правда, с ростом двух прочих параметров (доходы и субъективные оценки) доля женщины в семейном рыночном труде имеет некоторую тенденцию к снижению, но происходит это, главным образом, за счет серьезного увеличения рыночной занятости мужчин.

Итак, относительная обеспеченность не означает ни ухода женщины с рынка труда, ни увеличения ее домашней нагрузки. Доля домашнего труда женщины возрастает только по параметру текущих доходов, но даже и в этом случае не наблюдается связи с количеством часов, затрачиваемых на ведение домашних дел. Словом, «втягивания» в домашнее хозяйство тоже нет (табл. 17).

Влияние материального благосостояния на занятость на садово-огородных участках и в личном подсобном хозяйстве — противоречиво, поскольку зависит от конкретных показателей. Более высокий уровень текущих доходов ведет к

Таблица 15 Социально-профессиональный статус мужчины и распределение труда супругов (N = 342)*

	Социально-профессиональный статус мужчины			
	Руководитель	Специалист	Служащий	Рабочий
Рыночный труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	51	42	44	44
Рыночный труд женщины (часы в неделю, в среднем)	22	29	30	30
Доля рыночного труда мужчины (%)	74	65	62	64
Доля рыночного труда женщины (%)	26	35	38	36
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	17	23	25	24
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	48	48	46	50
Доля домашнего труда мужчины (%)	26	31	33	31
Доля домашнего труда женщины (%)	74	69	67	69

Примечание:

* Социально-профессиональный статус определялся только для работающих респондентов.

Таблица 16 Социально-профессиональный статус женщины и распределение труда супругов (N = 274)

	Социально-профессиональный статус женщины			
	Руководитель	Специалист	Служащая	Рабочая
Рыночный труд женщины (часы в неделю, в среднем)	44	37	38	40
Рыночный труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	43	42	42	44
Доля рыночного труда женщины (%)	53	50	50	48
Доля рыночного труда мужчины (%)	47	50	50	52
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	44	44	46	45
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	26	23	23	22
Доля домашнего труда женщины (%)	65	68	69	69
Доля домашнего труда мужчины (%)	35	32	31	31

абсолютному и относительному уменьшению интереса к подсобному труду*. С имущественной обеспеченностью, наоборот, связь прямая. Для работы на земле нужно как минимум иметь участок. Чтобы работать там регулярно, городская семья, вдобавок, должна иметь загородное строение, а желательно еще и машину, чтобы добираться до места. Что же касается связи между субъективны-

* Существуют и полностью противоположные оценки: с ростом душевого дохода увеличиваются затраты времени в ЛПХ, поскольку, дескать, «люди с высокими доходами обладают более сильной мотивацией к повышению благосостояния» [Жеребин, Романов, с. 38].

Таблица 17 Душевые доходы семьи и распределение труда супругов (N = 437)

	Степень обеспеченности по душевым доходам			
	Бедные	Малообеспеч.	Среднеобеспеч.	Обеспеч.
Рыночный труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	28	37	42	51
Рыночный труд женщины (часы в неделю, в среднем)	19	26	30	28
Доля рыночного труда мужчины (%)	62	61	63	66
Доля рыночного труда женщины (%)	38	39	37	34
Домашний труд мужчины (часы в неделю, в среднем)	30	24	17	20
Домашний труд женщины (часы в неделю, в среднем)	53	47	44	41
Доля домашнего труда мужчины (%)	34	32	26	32
Доля домашнего труда женщины (%)	66	68	74	68

ми оценками материального положения с занятостью в подсобном хозяйстве, то она не выявлена.

Добавим, что рост материального благосостояния в большей степени связан с изменением рыночных позиций мужчины. На положение женщины он особого влияния не оказывает.

7. Гипотеза прогрессивности столичной жизни. Жители Москвы демонстрируют более эгалитарный стиль в распределении рыночного и домашнего труда.

Анализ данных не дает оснований для подобного утверждения. Рыночный труд столичных мужчин продолжительнее, чем у их собратьев в Нижнем Новгороде и Иваново; выше и доля рыночного труда в совокупных трудовых затратах. Что же касается домашнего труда, то никаких «столичных веяний» не наблюдается*. Единственное различие связано с трудом в подсобных хозяйствах. Немосквичи больше времени проводят в садах и огородах. Это касается и абсолютной продолжительности подобной деятельности супругов, и удельного веса подсобного труда в общих трудовых затратах семьи. Видимо, дело не в природной лени москвичей, а в больших расстояниях до участков, что создает им дополнительные трудности.

Некоторые выводы

1. Труд в семье распределяется между супругами неравномерно. Бремя женщины более велико, но главные различия касаются не столько совокупной трудовой нагрузки, сколько неравного распределения отдельных видов труда.
2. Тяготы рыночной занятости больше выпадают на долю мужчины, а домашние хлопоты в большей степени ложатся на женщину. Труд на садово-огородных участках и в личных подсобных хозяйствах распределен между супругами практически равномерно.

* Впрочем, продолжительность домашнего труда — не единственная его характеристика. «Столичные веяния» прослеживаются, скорее, в формах и функциях домашней экономики, а также видах используемых ресурсов [Барсукова].

3. Распределение рыночного и домашнего труда происходит относительно «рационально»: когда один супруг берет на себя одно, его/ее половина в большей степени берет на себя другое. Но эта «рациональность» больше касается мужчины. Со стороны женщины подобное перераспределение имеет серьезные ограничения.
4. Экономическая независимость женщины в большинстве случаев сомнительна. Однако ограниченность рыночных возможностей женщины отчасти компенсируется заметно большими властными полномочиями в решении вопросов домашнего хозяйства [Римашевская и др., с. 135, 152—153].
5. «Домашняя эксплуатация» существует в том смысле, что женщина, действительно, вынуждена больше времени уделять домашнему хозяйству. Но не правомерно говорить о том, что домашний труд является чистым «довеском» к ее оплачиваемой занятости. Здесь вступают в дело частичные компенсаторные механизмы.
6. В целом данные свидетельствуют о более ограниченных возможностях женщины в разделении семейного труда. Мы далеко ушли от чисто традиционной (патриархальной) модели взаимоотношений, но и до равенства (если оно вообще возможно) нам еще довольно далеко. Впрочем, неравенство касается не всех аспектов отношений. И некоторые «очевидные» вещи не подтвердились данными. Иными словами, дискриминация женщины существует, но о грубой эксплуатации речь не идет.
7. Жизненный цикл женщины характеризуется большей неравномерностью, особенно в части рыночной занятости, что проявляется в период рождения и воспитания детей, а также достижения пенсионного возраста. У мужчины этот цикл носит более сглаженный характер.

К сожалению, наши данные представляют моментный срез и не позволяют говорить о тенденциях, в каком направлении идут изменения*. Мы также не задавали вопросы о том, насколько супруги удовлетворены сложившимся распределением труда в семье. По некоторым свидетельствам, несмотря на существующее неравенство, степень удовлетворенности положением дел мужчин и женщин достигает 75—90 % (женщины, естественно, удовлетворены в меньшей степени) [Римашевская и др., с. 124]. По другим оценкам, распределением домашних обязанностей удовлетворены чуть менее половины российских женщин [Здравомыслова, Арутюнян, с. 33]. Однако именно женщины чаще мужчин испытывают удовлетворение от домашних дел (по сравнению с работой в общественном хозяйстве и в ЛПХ). Так, несмотря на многие сетования, домаш-

* По данным уже упоминавшихся обследований бюджетов времени за последние три десятилетия произошли заметные сдвиги в распределении домашнего труда между супругами. Недельные затраты домашнего труда мужчины возросли на 3,4 часа, в это же время выполнение домашних обязанностей женщиной сократилось на 5,4 часа. В результате разрыв между вкладом женщины и мужчины в домашнее хозяйство сократился с 2,6 раза до 1,6 раза [Караханова, с. 113]. Напомним, что по нашим данным этот разрыв несколько больше и составляет как минимум 2 раза. Схожие оценки у В.А. Артемова, свидетельствующего о разрыве в 2,7 раза (1990 г., г. Рубцовск). Подчеркнем, что речь идет о городе. На селе разрыв в домашнем труде почти пятикратный. Однако на селе едва ли разумно отделять домашний труд от труда в ЛПХ, а их совокупное значение свидетельствует все о той же двукратной разнице вне рыночного труда супругов [Артемов, 1997, с. 117]. Нелишне упомянуть и региональную специфику. В частности, «у населения городов восточной части страны разрыв в общей трудовой нагрузке мужчин и женщин был больше, чем в европейской части (естественно, не в пользу женщин)» [Патрушев, с. 463].

ний труд приносит удовлетворение 39,6 % женщин и 29,8 % мужчин [Артемов, 1999, с. 587]. И даже если появляется неудовлетворенность, она редко перерастает в безысходный конфликт.

Вместо заключения

Авторы данной статьи не являются специалистами в области гендерной социологии (и не претендуют на этот статус). Речь идет о заинтересованном взгляде со стороны. И этот взгляд видит немалые различия между социологией гендерных отношений и неумным феминизмом, который исходит из идеала справедливости, понимаемой (вполне в ортодоксальном марксистском духе) как равенство во всем.

Феминистская идеология все рассматривает через призму долженствования. В противовес этому, социология гендера не должна ставить выводы впереди исследования. Она призвана проблематизировать даже столь «очевидные» вещи, как дискриминацию женщин в семье, и подходить к вопросу беспристрастно и не агрессивно. Уже не раз указывалось на то, что социология гендера не должна ограничиваться только одной женской перспективой и смотреть на все вопросы с позиций современной женщины-интеллектуалки. Без самостоятельного высвечивания мужской перспективы данная отрасль социологии останется безнадежно однобокой. Будем надеяться, что она переболеет детской болезнью феминизма и откажется от табуирования мужской перспективы, от наклеивания ярлыков — «сексизм», «мачизм», «традиционализм». Мы надеемся, что данная статья внесет свой скромный вклад в формирование именно такой гендерной социологии.

Литература

1. Алашеев С., Варшавская Е., Карелина М. Подсобное хозяйство городской семьи // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабашиной и С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999. С. 127—155.
2. Арутюнян М. Особенности семейного взаимодействия в семьях с различным распределением бытовых ролей. М., 1984.
3. Артемов В.А. Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970—1990-е гг. // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.Н. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999. С. 573—593.
4. Артемов В.А. О семейной экономике // ЭКО. 1997. № 4. С. 113—123.
5. Барсукова С. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. 2000. №1. С. 52-68.
6. Гершуни Дж. Бюджеты времени и неформальная экономическая деятельность // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 343-355.

7. Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация / Отв. ред. С.А. Белановский. Вып. 1. М., 1992. С. 160—177.
8. Жеребин В.М., Романов А.Н. Экономика домашних хозяйств. М.: Финансы, ЮНИТИ, 1998.
9. Здравомыслова О.М. Женские роли // Тенденции социокультурного развития России. 1960-1990 гг. / Отв. ред.: ИЛ. Бутенко, К.Э. Разлогов. М., 1996.
10. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
11. Калабихина И.Е. Некоторые аспекты теоретического анализа домохозяйства // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1995. № 5. С. 28—40.
12. Караханова Т.М. Домашний труд и быт городских жителей: 1965—1998 гг. // Социологический журнал. 1999. № 3—4. С. 110—115.
13. Ленин В.И. Советская власть и положение женщины // Сб. произв. В.И. Ленина. М.: Политиздат, 1978. С. 319—321.
14. Мезенцева Е. Гендерная экономика: теоретические подходы // Вопросы экономики. 2000. №3. С. 54-65.
15. Методика изучения бюджетов времени трудящихся (сборник материалов) / Науч. ред. В.Д. Патрушев. Новосибирск: ИЭиОПП, 1966.
16. Патрушев В. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 452—471.
17. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS. 1994. № 6. С. 50-73.
18. Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 1998.
19. Римашевская И., Ванной Д., Мальшева М. и др. Разделение труда в семье и принятие решений // Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. М.: Academia, 1999. С. 113-153.
20. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982.
21. Becker G.S. A Theory of the Allocation of Time // The Economic Journal. 1965. Vol. 80. P. 493-517.
22. Becker G.S. A Treatise on the Family. Harvard: Harvard University Press, 1981.
23. Ben-Porath Y. Economics and the Family — Match or Mismatch? // Journal of Economic Literature. 1982. Vol. 20. P. 52—64.
24. Berger J., Fisek M.H., Norman R.Z., Zeiditch M. Jr. Status Characteristics and Social Interaction: An Expectation States Approach. New York: Elsevier, 1977.
25. Berk S.F. The Gender Factory. New York: Plenum Press, 1985.
26. Blood R.O., Wolfe D.M. Husbands and Wives. Glencoe: Free Press, 1960.
27. Bott E. Family and Social Network. L.: Tavistock, 1957.
28. Brown G., Harris T. The Social Origins of Depression. London: Tavistock, 1978.
29. Eskilson A., Wiley M. Sex Composition and Leadership in Small Groups // Sociometry. 1976. No. 39. P. 183—194.
30. Freud S. New Introductory Lectures on Psycho-analysis. New York: Norton, 1933.
31. Geerken M., Gove W. At Home and at Work: The Family's Allocation of Labour. Beverly Hills: Sage Publications, 1983.
32. Gershuny J.I., Pahl R.E. Work Outside Employment: Some Preliminary Speculations // New Universities Quarterly. 1979. No. 34. P. 120—135.
33. Goode W. The Family. Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1964.

34. *Gronau R.* Home Production — a Survey // Handbook of Labor Economics. Vol. I / Ed. by *O. Ashenfelter and R. Layard*. Amsterdam: Elsevier Science Publishers BV, 1986. P. 273—304.
35. *Harris C.C.* The Family and Industrial Society. L.: Alien and Unwiii, 1983.
36. *Hill M.S.* Pattern of Time Use // Time, Goods, and Well Being[^] III. by *F. T. Juster and F.P. Stafford*. Michigan: Suigey Research Center, 1983.
37. *Homey K.* Feminine Psychology. New York: Norton, 1967.
38. *Jowell R., Witherpoon S.* (eds.) British Social Attitudes. Gower: Aldershot,, 1985.
39. *Kanter ЯМ.* Men and Women of the Corporation. New York: Basic, 1977,
40. *Kessler R, McCrae J.* The Effect of Wives' Employment on the Mental Health of Married Men and Women // Journal of Health and Social Behavior. 1982,/No. 47. P. 216-227.
41. *Land H.* The Family Wage // The Woman Question / Ed. By *M. Evans*. L.: Fontana, 1981. P. 289-296. Y
42. *Lopata HZ.* Occupation Housewife. New York: Oxford University Press, 1971,
43. *Luxton M.* More Than a Labour of Love. Toronto: Women's Press, 1980.
44. *Oakley A.* The Sociology of Housework. L.: Robertson, 1974.
45. *Pahl R.E.* Divisions of Labour. Oxford: Basil Blackwell, 1984.
46. *Parsons T.* Family, Socialisation and Interaction Process. London: Routledge and Kegan Paul, 1956.
47. *Pleck J.H.* Working Wives, Working Husbands. Beverly Hills: Sage Publications, 1985.
48. *Rands T.* The Division of Labor in Post-Soviet Russia / Paper presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association, 1997.
49. *Ridgeway C.L.* Conformity, Grouporiented Motivation, and Status Attainment in Small Groups // Social Psychology. 1978. No. 41. P. 175-188.
50. *Robinson J.P.* How Americans Use Time. New York: Praeger, 1977.
51. Time Use Change in Finland in the 1980s. Helsinki: Central Statistical Office, 1990.
52. *Young M.j Willmott P.* Family and Kinship in East London. L.: Routledge and Kegan Paul, 1957.
53. *Zeiditch M. Jr.* Role Differentiation in the Nuclear Family: A Comparative Study / Family, Socialization and Interaction Processes / Ed. by *T.Parsons, R.F.Bales*. Glencoe: Free Press, 1955. P. 307-352.